

ЧАЯНИЯ
«РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ШКОЛЫ»

У славянофилов было страстное желание создать в русской литературе свою особую «школу» в противовес преуспевавшей «натуральной школе», которая должна была явиться по своему духу истинно русской, носительницей и выразительницей исконных народных начал.

В «Московском литературном и ученом сборнике» 1847 года Хомяков поместил статью с вызывающим заглавием «О возможности русской художественной школы». Он говорил о ее «возможности» таким образом, словно «натуральной школы» и не существовало, а если она и существовала, то не заслуживала упоминания, поскольку явно была «не-русской». Еще раньше выступить на подобную тему его побуждал А. Студитский в «Москвитянине» в статье «О возможности самобытной русской или славянской драмы» (1842, № 12).

О «русской школе», «русском сознании», «жизненном начале», «самобытности» дружно и утомительно много, до крайности отвлеченно толковали в своих статьях все критики славянофильского лагеря.

«Полнота и целость разума во всех его направлениях,— писал Хомяков,— требует полноты в жизни; и там, где знание оторвалось от жизни, где общество, хранящее это знание, оторвалось от своей родной основы, там может развиваться и преобладать только рассудок,— сила разлагающая, а не живительная, сила скучная потому, что она может пользоваться только

данными, получаемыми ею извне, сила одинокая и разъединяющая¹.

Какое нагромождение отвлеченных софизмов: что такое «целостность разума»? «полнота жизни»? Чем они измеряются? Какой отсчет явлений здесь возможен? Откуда взялась «родная основа» и почему «рассудок»— сила разлагающая, заимствующая «данные извне»? А что такое «данные», получаемые «изнутри»?

Ведь все это кажется логичным только с точки зрения некоего априорного допущения, что есть действительно некая искомая целостность, органичность, а также ущербность и искусственность духа. На литературном материале эти положения никак не раскрывались. Из этого наспех сконструированного положения у Хомякова тут же следовал вывод: «Очевидно (?), что такое состояние мысли не допускает даже и возможности русской народной школы»².

Хомяков рассуждает так, будто имеет право говорить от лица «народности», будто, например, Белинский не добивался определения принципа народности. Хомяков только патетически провозглашает: «Художник не творит собственною силою: духовная сила народа творит в художнике»³. Оказывается, что этой благодати уже преисполнены славянофилы. В отличие от петербургских патриотов (западников), у Хомякова, как он сам уверяет, чувство к Руси непроизвольное, прирожденное, не прививное.

С другого конца эту же проблему затронул Ю. Ф. Самарин в статье «О мнениях «Современника», исторических и литературных» (*«Москвитянин»*, 1847, кн. 2). Самарин напал на «натуральную школу», которая, на его взгляд, незаконно выдавала себя за общерусскую: журналы Петербурга пропагандировали о «самобытности»

¹ А. С. Хомяков. Соч. т. I. М., 1900, с. 73.

² Там же, с. 74.

³ Там же, с. 75.

этой школы и вывели ее за пределы общего развития русской литературы. Отец этой «школы» Гоголь изображает «пошлость» жизни. Но у него есть еще и вторая сторона — «душевная скорбная исповедь». «Натуральная школа» «взяла у него только первую сторону», она не имеет идеалов и не сумела ничего прибавить к Гоголю. Кроме того, она заимствовала свое направление у современной французской литературы, вместе с ее пристрастием к карикатуре, то есть клевете на действительность. Происхождение ее «двойственное», от «двойного подражания». Она, «следовательно, лишена всякой самостоятельности» и «далека от действительности...». «Не поддержанная ни одним сильным талантом, она должна исчезнуть...»¹ Отсюда вывод: тем более надо стремиться создать «свою» школу.

Константин Аксаков также заявлял, что наш самобытный общечеловеческий подвиг начнется только тогда, когда «воздвигнется наше русское воззрение»². Он и в стихах клеймил «натуралистов», которые, не зная народной жизни, пытаются внешне ее копировать.

В народе он подслушал тоись,
А этот *евто* приташил,
А тот болезная услышал,
А тот присловий накопил
И с ними в свет надменно вышел³.

Константин Аксаков в статье «Обозрение современной литературы» в 1857 году полемизировал с «Очерками» гоголевского периода русской литературы» Чернышевского и утверждал как совершившийся факт: «В течение 10—12 последних лет она (русская литература.—*B. K.*) перепробовала несколько направлений. Невольно с улыбкою смотришь на все эти кратковременные восторги. Давно ли гордо возвышалась «натураль-

¹ Ю. Ф. Самарин. Соч., т. 1, с. 94.

² «Русская беседа», 1856, кн. 2, отд. «Смесь», с. 146.

³ Там же, отд. «Изыщная словесность», с. 59.

ная школа»? Но скоро она затихла и присмирела, как будто ей стало совестно, и всем стало ясно, что она призрак»¹. Самарин пророчил в 1847 году ей гибель, а Константин Аксаков в 1857 году пел ей отходную. Но гибель школы была только в воображении славянофилов.

Хомяков основой подлинно русской школы считал народные песни. В предисловии к русским песням из сборания П. В. Киреевского он говорил, что песни помогают образованному обществу выйти «из нашего бесподного сиротства»², перевоспитать себя. Как неожиданному подарку, он обрадовался опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» (*«Иван Сусанин»*, 1844 г.). В рецензии он называл ее «явлением вполне русским», «пророчеством всечеловеческого братства», открывающим «новую эру». А эта эра характеризуется следующим: «Она создаст новые живые формы, полные духовного смысла, в живописи и зодчестве, были бы только художники вполне русские и жили бы вполне русскою жизнью»³. Словесность и музыка, по мнению Хомякова, дали уже великий пример истинно русского искусства — Гоголя и Глинку. Ему казалось, что здесь обозначился зачаток иско-комой славянофилами русской художественной «школы».

Успех «чисто русского» воззрения в области живописи Хомяков увидел в только что появившейся тогда картине А. Иванова «Явление Христа народу». Им выстраивался своеобразный «триумвират» — Гоголь, Глинка, Иванов: «Их труд не есть труд личный», «это могучие и богатые личности, которые болеют не для себя, но в которых мы, русские, мы все, сдавленные тяжестью своего странного исторического развития, выбаливаем себе выражение и сознание».

Хомяков хвалит в картине Иванова величие избранного предмета, которое перешло в изображение. Спаси-

¹ «Русская беседа», 1857, кн. 5, отд. «Обозрение», с. 2.

² «Московский сборник». М., 1852, с. 324.

³ А. С. Хомяков. Соч., т. 3. М., 1914, с. 103.

тель поставлен на далеком плане, Иванов не впал в искушение выдвинуть его вперед. Даже у Рафаэля, Микеланджело много внешних подробностей: таков плод католицизма. Наш Иванов стоял на твердой почве и мог совершить то, что было невозможно для художников Европы... «Никогда вещественный образ не облекал так прозрачно тайну мысли христианской»¹. Великое дело совершил наш соотечественник.

На особое место славянофилы, во главе с семейством Аксаковых, ставили Гоголя.

Сергей Тимофеевич Аксаков был дружен с Гоголем. Гоголь часто бывал в доме Аксаковых, гостил у них. Оценки «Ревизора», «Мертвых душ» семьей Аксаковых были доброжелательными. Также, под влиянием непосредственных будничных впечатлений провинциальной жизни, Екатерина Ивановна Елагина (урожденная Мойер, невестка братьев Киреевских) писала А. П. Елагиной 17 декабря 1853 года: «Когда повидаешь соседей, то увидишь, что в Гоголе, право, ничего нет преувеличенного»².

¹ А. С. Хомяков. Соч., т. 3. М., 1914, с. 360.

² ЛБ, ф. Елагиных, № 5, ед. хр. 67. А в более раннем письме к ней же, от 7 июня того же года, Е. И. Елагина обращалась к Марии Киреевской с просьбой: «А ты, Маша, перепиши нам «Мертвые души»? Пожалуйста, душа моя, потрудись скорее это сделать, в деревне это истинное благодеяние» (ЛБ, ф. Елагиных, № 5, ед. хр. 66). Речь идет о переписке первого тома «Мертвых душ»; Гоголь уже скончался, и черновых рукописей второго тома тогда, конечно, никто так запросто в семейном кругу не читал и не переписывал; чистовик же Гоголь, как известно, сжег. Но просьба о переписке целого произведения, уже дважды издававшегося, характерная деталь эпохи. Так любили Гоголя, на каждом шагу видели подтверждение правдивости нарисованных им образов и в то же время нельзя было получить экземпляры его «Мертвых душ», «запрещен» он был после смерти (ведь за некрологи о нем получили наказание Иван Аксаков и И. С. Тургенев).

Несомненно, как все честно мыслящие русские люди, славянофилы, в особенности семья Аксаковых, искренне были восхищены талантом Гоголя, силой его реалистических образов. В меру своего собственного критического отношения к русской действительности славянофилы принимали отдельные стороны сатиры Гоголя. Они сами много говорили о необходимости «свободного слова» в суждении о непорядках в отечестве, нападали по-своему на крепостничество и засилие чиновничества.

Но на каждом шагу оказывалась в восприятии и оценке Гоголя известная ограниченность и тенденциозность славянофилов. Они ревниво отнеслись к возможности сближения Гоголя с Белинским, когда писатель секретно от них, зимой 1841 года, передал критику рукопись «Мертвых душ», чтобы тот способствовал прохождению ее через петербургскую цензуру. В это время Погодин всячески хотел привлечь Гоголя в свой журнал. Но писатель уклонялся от сближения как с лагерем «Отечественных записок», так и с лагерем «Москвитянина».

В 1842 году Константин Аксаков выдержал жаркую полемику с Белинским по поводу первого тома «Мертвых душ» Гоголя. Аксаков откликнулся быстро на выход этого произведения, написал брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души».

В неопубликованном письме к профессору Московского университета, историку, близкому славянофильским кругам, А. Н. Попову, который был в это время в Берлине (письмо без даты, но явно относится к сентябрю — октябрю 1842 года), Аксаков, среди других сообщений о нынешнем расцвете русской литературы, говорил о выходе первого тома «Мертвых душ»: «Сильнейшим подтверждением этого убеждения была поэма Гоголя «Мертвые души», в которых явилось такое чудо создания, такая великая, древняя классическая простота

та, которая смогла явиться разве только в России, у народа цельного... (точки в оригинал.— В. К.), назначенного к великим подвигам. Я написал брошюру о «Мертвых душах» наскоро для журнала, и она не попала в журнал (Шевырев не захотел), и я напечатал отдельно. На меня все напали, за исключением Самарина и Хомякова, со мною согласных... Хотелось бы мне послать вам ответ мой на подлое ругательство Белинского, написанное им на мою брошюру в «Отечественных записках», но не знаю, удастся ли. Он помещен в «Москвитянине», а переписывать не стоит...»¹

Славянофилы считали, что Гоголь возродил «целостное», гомеровское мировосприятие, и отвергали решительно параллели между Гоголем и западными писателями. О своем согласии с концепцией Константина Аксакова Хомяков заявлял в следующем своем неопубликованном письме к С. П. Шевыреву осенью 1842 года: «Аксакову досталось от «Отечественных записок», да они, кажется, уже готовы и от Гоголя отступиться. Что за глупый народ! У них на одном ряду Сервантес, Байрон, Жорж Занд и Беранже. Аксаков увлекся далеко, но если он будет продолжать брошюру свою, то, пола-

¹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 8, № 16. Речь идет о брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» и едкого ее разбора Белинским в 8-м, августовском, номере «Отечественных записок» 1842 года. На этот разбор К. С. Аксаков напечатал в «Москвитянине» антикритику: «Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» (1842, № 9). Об этом своем «ответе» и говорит Аксаков в письме. Но в ноябрьском номере «Отечественных записок» за тот же год Белинский еще более уничтожающему разбору подверг «ответ» Аксакова в статье «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души». Дополнительные штрихи к этой полемике см. в письмах К. С. Аксакова к Гоголю.— «Русский архив», 1890, кн. 1, с. 152—159; кн. 8, с. 85—89, а также в письме Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову.— «Русский архив», 1880, кн. 2, с. 298—302.

гаю, выйдет дельное. Он пояснит то, что без пояснения кажется смешным и нелепым. Мысль его главная в следующем: «искусство утратило везде свою беззаботную свободу, в нем более придуманного, чем самозабвенного. Гоголь (как древние и Шекспир) есть художник поконволе и без намерения». В этом много правды. «Отечественные записки» говорят: «Гоголь зарожден В. Скоттом, без В. Скотта он был бы невозможен». Это просто бессмыслица. Ничего общего нет между ними»¹.

Хомяков, в свою очередь, огрубляет мысль Белинского о связи Гоголя с мировой традицией. Но то, что он солидарен с Аксаковым, это ясно, и солидарен именно в главном.

Взаимоотношения между славянофилами и Гоголем не были идеалистическими.

Гоголь иногда резко отзывался о всех славянофилах и даже о С. Т. Аксакове. Славянофилам нравился афоризм Гоголя в статье «Петербургские записки», опубликованной в пушкинском «Современнике» за 1836 год: «Москва нужна для России, для Петербурга нужна Россия». Петербург — эксплуататор России — излюбленная тема стихов Константина Аксакова и многих деклараций славянофилов. Россия могла бы обойтись без Петербурга, а наоборот — нет.

Их подкупала «народность» «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Отзывы Гоголя о картине Иванова были в значительной мере в духе Хомякова. Точно так же была близка славянофилам его неприязнь к городу вообще и, в частности, к Западу (*«Рим»*). Дружба с Жуковским, похвалы переводу *«Одиссеи»* как нравственному противовесу современной литературе (тут сам Гоголь сближался с К. Аксаковым), сдержанные отношения с лагерем Белинского — все это делало для них Гоголя «своим».

¹ А. С. Хомяков. Соч., т. VIII. М., 1900, с. 420—421.

Кроме того, они хорошо чувствовали проповеднический элемент у Гоголя и старались развить его в нем. В словах: «Русь, куда несешься ты, дай ответ!.. Не дает ответа...» — слышались славянофилам родственные мотивы. На поставленный Гоголем вопрос о том, куда несется Русь, славянофилы старались дать свой ответ: все дело в поисках «светлых сторон» и в «примирении» с обществом; Русь якобы неслась к нравственному очищению, к выполнению своей исторической миссии учительницы всего человечества.

В одной из своих речей в Обществе любителей российской словесности в 1859 году Хомяков следующим образом определял место Гоголя в общей концепции истории русской литературы. Отметив «мучительную жизнь» гениев русской литературы — Пушкина, Баратынского и других,— Хомяков объяснял эти мучения все тем же пресловутым разрывом между просвещенным обществом и «землею», то есть народом. Что касается Гоголя, то и он страдал этим же недугом, но в ранних произведениях меньше, чем в поздних. Дело в том, как уверяет Хомяков, что в Малороссии не было разрыва между обществом и народом. Поэтому в «Вечерах на хуторе» все дышит у Гоголя простодушием и любовью. «В иных отношениях был Гоголь к нам, великоруссам, тут его любовь была уже отвлеченнее, она была более требовательна, но менее ясновидяща. Она выразилась характером отрицания комизма, и, когда неудовлетворенный художник стал искать почвы положительной, уходящей от его приисков, томительная борьба с самим собою, с чувством какой-то неправды, которой он победить не мог, остановила его шаги и, может быть, истощила его жизненные силы»¹.

Славянофилы высоко ценили второй том «Мертв-

¹ «Русская беседа», 1860, кн. 19, отд. «Изыщная словесность», е. 15—16.

вых душ». С. Т. Аксаков писал сыну Ивану 29 августа 1849 года, что Гоголь у них читал второй том «Мертвых душ»: «Слава богу! Талант его стал выше и глубже¹. Глужбе именно в моралистическом смысле. Иван Аксаков в упоминавшемся некрологе подчеркивал: «Нам привелось два раза слушать чтение самого Гоголя (именно из второго тома «Мертвых душ»), и мы всякий раз чувствовали себя подавленными громадностью испытанного впечатления: так ощущален был для нас этот изнурительный процесс творчества...»²

Обещание Гоголя изобразить со временем положительных Маниловых, Коробочек, Собакевичей критиковал весьма резко еще Белинский. Славянофилы же старались «положительным» началом нейтрализовать сатиру Гоголя, или сатиру расценивали как нечто временное, как средство достижения идеала. Нередко старые исследователи хвалили славянофилов за то, что они увидели двойственность Гоголя, а Белинский якобы ее не видел, что они как будто проникали глубже в противоречия Гоголя. Но это заблуждение. Славянофилы акцентировали противоречия в творчестве Гоголя, выпячивали его идеальные стремления, но они не понимали главного — реализма писателя. Они просто отстраняли все великое в творчестве Гоголя, а морализаторство сразу толковали не в сложном гоголевском смысле, а в своем собственном, антиреалистическом.

Славянофилы внимательно следили за развитием Гоголя в конце его жизни, они определенно хотели его «присвоить». Иван Киреевский просил Жуковского в 1845 году проследить за границей, каким образом будет развиваться «религиозное направление» у Гоголя, «кото-

¹ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», ч. I, т. 2, с. 217.

² «Московский сборник». М., 1852, с. X—XI.

рое, кажется, теперь овладело им»¹. Его последнюю книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» С. Т. Аксаков, а также Константин и Вера осуждали («Он сумасшедший»,— писали они Ивану Аксакову 11 января 1847 г.). Иван Аксаков разъяснял им, что Гоголь в состоянии «перехода», что он искренен, преодолевает «кризис». «Книгу Гоголя,— писал Иван Аксаков родным,— надо читать не раз и не два, а двадцать тысяч раз! Я примирился с ним вполне и вижу, что все возводимое на него — вздор и что не погиб он для нас как юмористический писатель... Гоголь прав и является в этой книге как идеал художника-христианина, которого не поймет Запад так же, как и не поймет этой книги. Что за язык, господи боже мой, что за язык! Упиваться можно этим языком, лучшим всяких стихов. Серьезно надо взглянуть на эту книгу. Она способна пересоздать многих»². Иван Аксаков и был одним из первых, которых гоголевская книжка пересоздала, он нашел в ней стимулы для перехода к нравственно-религиозным исканиям. Но затем под влиянием родных Иван Аксаков также отрицательно стал относиться к этой книге Гоголя.

Славянофилы хотели целиком представлять интересы Гоголя на общественной арене, выдавали себя за людей, посвященных во все тайны его духа. И когда Гоголь скончался, славянофилы хотели превратить похороны его в своего рода групповую манифестацию. Интересно в этой связи неопубликованное письмо графини Салиас де Турнемир (Евг. Тур), адресованное А. А. Краевскому, видимо, из Москвы в Петербург и датируемое весной 1852 года: «У нас едва успокоились,— смерть Гоголя

¹ И. В. Киреевский. Полн. собр. соч., т. 2, с. 238.

² «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», ч. 1, т. 1, с. 407 (в этом издании приводятся в примечаниях и письма родственников к Ивану Аксакову. В частности, здесь можно найти и цитированное выше письмо от 29 августа 1849 года).

поразила всех и еще более сожжение 2-й части «Мертвых душ». До сих пор все любящие русскую литературу и славу ее не могут ни образумиться, ни утешиться. Потеря невозвратимая, и у нас на Руси остались только таланты весьма второстепенные и нет ни одного великого писателя. Бедность страшная. Гигант литературного мира унес все с собою в могилу,— после него не осталось клочка бумаги. Все это знают и, однако, не верят и ищут возможности отыскать то, что сгорело за несколько дней до смерти нашего великого Гоголя. Попытки отыскать у кого-нибудь копию или хотя отрывок из сочинений покойного никак не оправдываются успехом. Все приуныли, кроме славян (т. е. славянофилов.— В. К.), которые показали себя с тупой и крайне дурной стороны. Во время всеобщей скорби о погибших богатствах нашей литературы они занимались, как раскольники, отстаиванием каких-то прав на умершего и едва не дрались над его трупом. Было и жалко и гадко видеть их. Но всего не перескажешь, да и не стоит труда говорить о них много»¹.

Братья Аксаковы откликнулись на смерть Гоголя прочувствованными статьями. Одну мы уже упоминали: «Несколько слов о Гоголе» Ивана Аксакова в «Московском сборнике» за 1852 год. Другая — Константина Аксакова — без названия, но условно ее можно озаглавить «Некролог о Гоголе»². Она не была опубликована, видимо, из-за цензуры³, и ее основные мысли были повторены в указанной статье Ивана Аксакова. Но и статья

¹ ГПБ, ф. 391 (А. А. Краевского), ед. хр. 689, л. 139—139 об.

² ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 82.

³ Отклик на смерть Гоголя был помещен в 8-м номере «Москвитянина» за 1852 год в заметке М. Погодина, искромсанной цензурой, в которой в форме «Отрывка из письма в Петербург» рассказывалось, как погребали Гоголя, и бегло упоминалось о творчестве писателя, его «судорогах смеха», «стиснутого до самой смерти» (с. 140).

Ивана Аксакова тотчас привлекла внимание бдительного начальства. В статье говорилось о Гоголе — «художнике-монахе», подвижнике, который много тайн унес с собой. Если он и был сатириком, то сатириком-христианином. Он отыскивал светлые стороны действительности и в этой мучительной работе сгорел и сжег свой труд перед смертью, внутренне неудовлетворенный результатами поисков идеала. Но славянофилы говорили, что идеал таким образом и нельзя было найти. Авторы обеих статей настаивали на другом: спасительные религиозные искания Гоголя не завершились¹.

¹ В архиве сохранился пространный и любопытнейший документ с цензорской критикой славянофильского апофеоза Гоголя. Главное управление цензуры особенно предосудительной нашло статью И. Аксакова «Несколько слов о Гоголе» (заглавие как бы дублирует гоголевскую статью «Несколько слов о Пушкине»). Эту статью, по мнению придирчивого цензора, не следовало бы печатать. Из изложения ее в деле видно, чего именно опасались власти и какие подозрения вызывала славянофильская любовь к Гоголю. Тут великолепно демонстрируется и тупая логика цензурского мышления, посылок и выводов. «Если он (то есть Гоголь.— В. К.) охвачен был предчувствием великих судеб, ожидающих Русь, то для чего же было ему страдать и каким образом он мог сделаться мучеником возвышенной мысли о Руси? Как согласить неразрешимую задачу, которая положила Гоголя в гроб, с предчувствием великих судеб, ожидающих Русь?

С другой стороны, кто дал сочинителю статьи право клеймить все современное общество печатью пошлости и ничтожества, от которых, будто бы из наболевшей души Гоголя, вырывались мучительные стоны? судить по героям «Мертвых душ» о целом русском обществе есть верх несправедливости, никому не дозволительной...

Все сии недомолвки и несообразности, при восторженном тоне и мистическом смысле целой статьи о Гоголе, не могут не вводить в заблуждение читателей, из которых многие, конечно, подумают, что он был коноводом какой-нибудь партии, которая, не довольствуясь настоящим благодеянием России, возмечтала дать нашему отечеству новое политическое бытие и направление. И в самом деле, по содержанию этой статьи можно не без оснований вообразить себе, что Гоголь имел притязание сделаться преобразователем России...» (ЦГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 1, № 2819).

Старик С. Т. Аксаков в конце жизни своими произведениями «Детские годы Багрова-внука», «Семейная хроника» снискал такой большой успех у публики, что, казалось, ничего лучшего и желать для «школы» было нельзя. Поэтому славянофилы превозносили «отесеньку». Еще в упомянутом обзоре Константин Аксаков особо выделил творения своего отца: «Сочинения С. Т. Аксакова стоят совершенно особняком в литературе нашей...» Имелось в виду поговорить о них особо. Это и выполнил вскоре С. П. Шевырев в «Русской беседе».

Главные достоинства автора Шевырев видел в спокойствии «этического» созерцания жизни, народности речи, полноте и цельности восприятия русской жизни, подробностях анализа.

«Детские годы Багрова-внука» — «биографический эпос, или эпическое сказание о детстве Багрова внука»¹, — писал Шевырев. Педагогика и психология стоят рука об руку в этом биографическом эпосе. Все сосредоточено вокруг образа ребенка. Но Сережа тих, сосредоточен в себе. Что же движет действие в этом произведении? Сначала чувство природы, потом отношения к отцу и матери. Затем движет действием пытливость и любознательность мальчика, смерть дедушки, семейные сцены, сестры, братья, дворня — весь этот реальный мир. Но социальные конфликты, все, что связано с Куролесовыми, зверствами крепостничества, Шевырев обошел. Он только подмечает, что Куролесовы потому и плохи, что связаны с городской жизнью. И дворня у них не так опрятна, как у Багровых. Шевырев коснулся и попыток Сережи приобщиться к миру крестьян, пахать вместе с ними, отроститься: «Как прекрасно это невыразимое чувство сострадания к работающим, которое во время жития осенило в первый раз душу Сережи!

¹ «Русская беседа», 1858, кн. 10, отд. «Критика», с. 78.

Как хорошо его побуждение отведать самому потового крестьянского труда, когда он просится бороновать землю, и как полезен ему урок, что он для того никуда не годится!»¹

Шевырев в данном случае разглядывал С. Т. Аксакова как бы со стороны: ни сыновья писателя, ни даже «свои» критики, такие, как Хомяков (братья Киреевские уже умерли), не могли так писать об «отесеньке», Шевырев вспомнил и давний спор с Белинским о возможности русской гомеровской эпопеи. Он видел в произведениях С. Т. Аксакова русские отголоски «Одиссеи», благотворный эпос². При этом Шевырев сетовал: как несправедливы бывают современные журнальные критики, когда они из «спокойно-эпического представления старой русской жизни, принадлежащего исключительно С. Т. Аксакову, извлекают против нее свои раздраженные, обвинительные доносы!»³ Имелись в виду, конечно, Добролюбов и другие демократические критики, писавшие об С. Т. Аксакове. Они якобы отыскивали элемент «страстного раздражения» у С. Т. Аксакова, которого на самом деле в его произведениях не было. Спокойное созерцание С. Т. Аксакова, считает Шевырев,— «не равнодушие». Мы все время чувствуем присутствие личности автора: «Особенно же счастливый характер этой личности заключается в том, что она сохранила в себе цельность и полноту жизни русского человека, какую трудно бывает встретить теперь в наших писателях»⁴. Этот здоровый цельный организм славянофилы искали в каждом новом писателе.

Истинной находкой для славянофилов, казалось, был молодой А. Н. Островский, испытавший на себе неко-

¹ «Русская беседа», 1858, кн. 10, отд. «Критика», с. 92.

² Там же, с. 75.

³ Там же, с. 69.

⁴ Там же, с. 72.

торое время влияние их учения, особенно младославянофилов — Ап. Григорьева, Т. Филиппова¹.

Островский затронул совершенно новый пласт русской жизни — купечество, сохранившее, как казалось славянофилам, предания старины, набожность, патриархальность. Тут, так сказать, сама тема много значила, доказывала, что существует еще нетронутая Русь с ее самобытными началами. Изображение этой среды (по выражению Добролюбова — «темного царства») первоначально у Островского сопровождалось некоторым любованием ею, примесью именно славянофильских иллюзий относительно того, что этот быт нравственнее «петербургского», послепетровского. Бытописатель замоскворецкой жизни, Островский легко противопоставлялся славянофилами писателям петербургской «натуральной школы», хотя это была фикция: Островский в сущности, в основном примыкал к этой школе.

Помимо апологетических статей Ап. Григорьева об Островском в «Москвитянине», в которых он, впрочем, установил и ряд существенных сторон творчества драматурга, в «Русской беседе» появилась и собственно славянофильская статья Т. И. Филиппова о драме «Не так живи, как хочется».

Т. Филиппов хвалил «светлый» взгляд Островского на русскую жизнь, на ее «заветные стороны». Писатель преодолел пафос «отрицания», которым была исполнена еще его пьеса «Свои люди — сочтемся». Теперь появились образы, которые внушены совсем другим взглядом на русскую жизнь. Он пишет о «народной жизни» и

¹ С. П. Шевырев хотел привлечь его к участию в «Москвитянине», он писал 6 мая 1848 года М. П. Погодину: «Есть какой-то г. Островский, который хорошо пишет в легком роде, как я слышал. Спроси г. Попова (профессор Московского университета — В. К.), не может ли он спросить у него его трудов. Я посмотрел бы их, и потом обсудили бы условия...» (ГПБ, ф. 850, № 269).

освещает ее «с русской точки зрения». В русской жизни «между прочим скрыт ответ на многие важнейшие вопросы, предстоящие мышлению современного человека»¹.

Смысл статьи Филиппова крайне реакционный: он громит «натуральное направление» в литературе, ратует за ограничение личных свобод, за «христианский свободный обет». Достается от него Ж. Санд, автору романа «Лукреция Флориани», перед тем переведенного на русский язык и положительно оцененного «Отечественными записками» и «Современником». В этом романе отразилось свойственное Западу понятие о ненасытной жажде желания, произволе чувственности, эгоистических наслаждениях. У Руси — своя дорога, терпение, жизнь по божьему велению, ограничение страсти.

Надежду на дальнейшее развитие Островского по избранному им пути выразил и Константин Аксаков в упоминавшейся статье «Обозрение современной литературы».

Но истинные демократические симпатии Островского, приведшие его к сближению с «Современником», обозначились очень скоро. Зачислить его в свою «школу» славянофилам не удалось.

С большим интересом славянофилы обратили свой взор на другого, как им казалось, певца патриархальности, Л. Н. Толстого, уже заявившего себя трилогией «Детство», «Отрочество» и «Юношество», военными рассказами.

Внимание С. Т. Аксакова на Толстого обратил И. С. Тургенев в связи с выходом в свет «Отрочества». Новый талантливый писатель понравился славянофилам. И даже можно говорить о влиянии Толстого на автора «Детские годы Багрова-внука». В 1855 году, заня-

¹ «Русская беседа», 1856, кн. 1, отд. «Критика», с. 72.

тый делами ополчения, Иван Аксаков писал родным 25 августа из Новгорода-Северска: «...прочел в «Современнике» Толстого «Севастополь в декабре». Очень хорошая вещь, после которой хочется в Севастополь,— и кажется, что не струсишь и храбриться не станешь. Какой тонкий и в то же время теплый анализ в сочинениях этого Толстого¹. Значит, мнение о его талантливости возникло не только от чтения одной вещи, здесь говорится о «сочинениях» Толстого. Перед славянофилами предстал Толстой патриотический, Толстой-художник.

Предстал он и как человек, отрицающий Запад. Тут налицо любимая тема славянофилов. Начались попытки привлечь Толстого на свою сторону². Иван Аксаков писал родным из Парижа в 1857 году 19 апреля/1 мая: «Толстой в Женеве. То, что мне рассказали про него,— очень характеризует его и с хорошей стороны. Можно ли было себе вообразить, что Париж его возмущил и оскорбил до глубины души; он не мог в нем оставаться. Кто-то посоветовал ему посмотреть казнь; а на него вид, как публично зарезывают человека, произвел такое впечатление, что гильотина снилась ему во сне»³. После этого Л. Толстой собрался из Парижа ехать немедленно.

Попытку привлечь Толстого предпринял и Хомяков. В 1859 году во время принятия Толстого в члены Общества любителей словесности, председателем которого был Хомяков, он выступил с речью. Он как бы оспаривал защищавшееся Толстым во вступительной речи «чи-

¹ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. 3, с. 154.

² См. письмо А. И. Кошелева к И. В. Кириевскому от 14 марта 1856 года, где он говорит о своем знакомстве с Толстым и о попытках заинтересовать его участием в «Русской беседе» (ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 86).

³ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. 3, с. 317.

сто художественное направление». Он знал, что Толстой враждует по этому вопросу с «Современником». Но он по-своему «подправлял» сложного, противоречивого писателя: доказывал, что граф сам не вполне чужд тому направлению, которое называли «обличительным». В «Трех смертях» он сам развивал это направление, обличая черствость господ и проповедуя праведную смиренность народа, чахоточного мужика, в бого приемлющего смерть¹. Влекла же славянофилов к Толстому проповедь «непротивления», преклонение перед патриархальностью. Но как ни мерещился Толстой славянофилам «своим», как ни «подправляли» они его, он никогда не был «их».

Прокомментируем попутно одно из свидетельств графини Александры Андреевны Толстой (двоюродной тетки писателя, чрезвычайно религиозной) о том, что Л. Н. Толстой «...часто читал мне любимые его стихи Тютчева и некоторые Хомякова, которые он ценил особенно; и когда в каком-нибудь стихотворении появлялось имя Христа, голос его дрожал и глаза наполнялись слезами...»². Свидетельство относится к позднему Толстому, оно очень однобокое и не характеризует сколько-либо особого увлечения Толстого Хомяковым. В письме к самой А. А. Толстой в конце ноября 1865 года он с иро-

¹ Перед тем в одной из своих речей Хомяков специально обосновывал необходимость обличительной литературы: она «есть законное явление словесной жизни народа; я скажу более, она — не только законное явление, но явление необходимое и отрадное». Она есть «выражение скорбящего и негодующего самопознания общественного. Я позволю себе сказать, что она есть как будто публичная исповедь общества...». А в наступившее сейчас время гласности — и подавно. «Официальное самохвальство» «развращает надолго нравы самой литературы». Только «свободная, елико возможно свободная гласность может очистить нашу умственную атмосферу...» («Русская беседа», 1860, кн. 19, отд. «Изящная словесность», с. 1, 2, 5).

² «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой». СПб., 1911, с. 35.

нией отзывается о культе Хомякова, сложившемся в славянофильской среде¹. В 1877 году в письме к Г. А. Захарину Толстой сообщал, что по прочтении сборника стихотворений Хомякова он не получил ожидаемого впечатления: «Я ждал больше»². Последняя фраза может свидетельствовать, что только с этого момента Толстой «вчитался» в Хомякова, а до сих пор судил о нем, видимо, по слухам и на основе личных отрывочных впечатлений от отдельных его стихов, читанных в свое время в периодике. В библиотеке Яснополянского музея сохранился экземпляр четвертого издания стихотворений Хомякова (М., 1888) с карандашными пометками, вероятно, Толстого³. О чем они свидетельствуют? Толстого заинтересовали не программные, собственно славянофильские стихотворения Хомякова, а в основном ранние стихотворения романтического, пантеистического толка: о слиянии души с космосом, об отдохновении от «дум неугомонных»⁴. И только в стихотворении «Остров» оказались отчеркнутыми программные строки:

Но за то, что церковь божью
Святотатственной рукой
Приковала ты к подножью
Власти суетной, земной...

Но можно ли на этом факте строить какие-либо далеко идущие выводы? Толстой считал, что церковь и в России прикована к светской власти и не свободна. А мысль

¹ «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», с. 215.

² Л. Н. Толстой. Поли. собр. соч., т. 62. М.—Л., 1955, с. 321.

³ См. кн.: Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. М., «Книга», 1975, т. 1, ч. 2, с. 416—417.

⁴ Толстой отчеркнул четыре последние строки в стихотворении «Заря» (1826), восемь строк со слов «Ложуся спать...» в стихотворении «На сон грядущий» (1831), два последних в «Зиме» (1831); целиком ему понравилось «Вдохновение» (1832), четыре последних строки в «Элегии» (1834), четверостишия в начале и в конце «Звезды» (1853) и самый конец из четырех строк в стихотворении «Жаль мне вас, людей бессонных...» (1853).

Хомякова заключалась именно в противопоставлении православной Руси погрязшей в расчетах буржуазной Англии¹.

Самые убежденные, как казалось, «певцы патриархальности» только на какой-то миг подавали поводы считать их близкими славянофилам. В одном только случае славянофилам повезло, но и то эта похвала была небольшая. Константин и Иван Аксаковы высоко чтили писательницу Н. С. Кохановскую (Сохансскую) за ее «положительное» творчество с точки зрения славянофильской доктрины². Хомяков в одной из своих речей в связи с повестью Кохановской «После обеда в гостях» заявил, что: «Никогда, может быть, со времени нашего бессмертного Гоголя, не видали мы такой светлой фантазии, такого глубокого чувства, такой художественной истины в вымысле, как в произведениях, подписанных именем г-жи Кохановской»³. Преувеличенностъ такого рода похвалы очевидна⁴.

¹ А. А. Толстая обращала внимание Л. Н. Толстого на только что появившуюся в «Русской беседе» повесть И. В. Киреевского «Остров» и хвалила ее моралистический и религиозный пафос. Но Толстой-реалист, кажется, вовсе прошел мимо этого фантастического и слабого произведения. Не бесследными могли быть указываемые А. А. Толстой настойчивые советы Киреевского, чтобы молодой писатель приучал себя к ежедневному чтению Евангелия (см.: «Переписка...», с. 1111—1112). Правда, в раннем творчестве Л. Н. Толстого и эти религиозные увлечения еще не дали своих «всходов».

² См.: Н. Н. Платонова. Кохановская. Биография. СПб., 1909, с. 89—92 и др.

³ «Русская беседа», 1860, кн. 19, отд. «Изыщная словесность», с. 31.

⁴ М. Е. Салтыков-Щедрин при всей снисходительности своей рецензии на повести писательницы Кохановской (1863) отмечал все же «односторонность» ее отношения к действительности, предпочтение всему новому «известных идеалов прошедшего», «бедность и фальшивость» теорий смирения и прощения. См.: Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. V. М., Гослитиздат, 1937, с. 315—329.

Славянофильская школа не получалась. С миру по нитке она собиралась и тут же расплзлась. Итак, кто же входил в школу? С. Т. Аксаков, Кохановская — это вполне «свои». Гоголь, Островский, Толстой — чистая условность. Глинка и Иванов — не литература, и, конечно, присвоение их было большой на-тяжкой.

Тогда в поисках опоры славянофилы начали отрывать от «натуральной школы» самых ее активных участников. Славянофилы надеялись на успех. Дело, конечно, не только в «кознях» славянофильства, хотя и в этом им отказать нельзя; дело в некоторых зигзагах развития самих писателей «натуральной школы». Славянофилы охотно обманывались внешним сходством и возводили его в нечто родственное себе.

Благосклонный взгляд был брошен даже в сторону Некрасова. Иван Аксаков познакомился с поэтом в Париже в 1857 году: «Он чрезвычайно робок и застенчив: в нем тоже что-то шевелится»¹. Аксаков почувствовал у Некрасова мотивы смирения, отразившиеся в его стихотворении «Тишина» (1857). Но все же «шевелилось» в Некрасове совсем не то, что могло сблизить его со славянофилами. Тем не менее и то, что вело Некрасова к «Коробейникам», «Кому на Руси жить хорошо», в отдельных мотивах было приемлемо для славянофилов. Константин Аксаков хвалил в известной нам обзорной статье «силу выражения в поэме «Саша». Нет-нет да и любовно переписывали славянофилы отдельные его стихи, видимо, проникаясь их завидной силой. Так, на обороте рукописи адреса в честь Николая I рукой Константина Аксакова было переписано стихотворение: «У бурмистра Власа...», то есть «Забытая деревня»². Барин в этом стихотворении в своем отношении к

¹ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. 3, с. 324.

² ИРЛИ, ф. 3, оп. 8, № 21.

крестьянским нуждам очень напоминает аксаковского Глуповицкого. Таков мог быть в глазах славянофилов и некрасовский путешественник граф Гаранский. В разных архивных фондах часто попадаются списки любопытного стихотворения «Шарманка» неизвестного автора¹. Оно много лет приписывалось Некрасову, что, видимо, неверно. В собрание сочинений Некрасова оно не вошло. В разное время «Шарманку» приписывали также И. И. Лажечникову, В. Р. Зотову². Сестра Некрасова А. А. Буткевич считала это стихотворение некрасовским. Но других доказательств принадлежности «Шарманки» Некрасову нет. Вопрос о его авторстве до сих пор остается открытым³. «Шарманка» ходила в списках по рукам, в ноябре 1857 года она была опубликована Герценом в «Колоколе».

Из приводимого ниже в примечаниях текста «Шарманки» видно, как она искусно подложена под стиль Некрасова с выпадами против уваровской триединой формулы. И в то же время по содержанию «Шарманка» — стихотворение славянофильское, оно направлено против петровских реформ. Это, конечно, не Некрасов. Автор взял в качестве героя как бы одного из «петербургских шарманщиков», описанных в известном очерке Д. В. Григоровича, и наделил его славянофильскими настроениями. Отчасти эта вещь упреждает пародийную «Русскую историю от Гостомысла до Тимашева»

¹ ИРЛИ, ф. 57 (архив С. Г. и М. Н. Волконских), оп. 4, № 229. Другой список ИРЛИ расположен на одном листе со стихотворением Константина Аксакова «Свободное слово», но сделан не его рукой...

² См.: «Ученые записки Тартуского гос. университета», вып. 78 1959, с. 113 (статья Б. Ф. Егорова).

³ См. статьи: В. Евгеньева.—«Заветы», 1913, № 2, с. 119—125; Е. Бушканец.—«Известия ОЛЯ АН СССР», 1962, вып. 2, с. 343; А. М. Гаркави.—Некрасовский сборник, т. V, Л., «Наука», 1973, с. 153.

А. К. Толстого. Тут речь и о варягах, и о татарах, и польских интервентах, и о Петре I, и Николае I, и Александре II¹.

Привлекали внимание славянофилов крестьянские темы в творчестве двух других активных участников «натуральной школы» — Д. В. Григоровича и И. С. Тур-

¹ Хотя «Шарманка» в советское время была включена в сб. «Вольная русская поэзия второй половины XIX века» большой серии «Библиотеки поэта» (1959), тем не менее, ввиду неясности вопроса об авторстве Некрасова и в связи с тем обстоятельством, что «Шарманка» прижилась в круге славянофилов, считаем нужным привести для дальнейших исследований ее полный текст по списку ИРЛИ: он нисколько не уступает уже опубликованному, а местами и превосходит его:

По дворам таскал старик
Тридцать лет шарманку,
Он вертеть ее привык.
Вертит спозаранку.
Вертит полностью глухой
На погону людям;
Но шарманки той плохой
Мы же позабудем:
Что за музыка?.. ей, ей,
Не поймешь, хоть тресни,
И всего-то было в ней
Три плохие песни:
Бога славила одна,
А царя — другая,
Третья (ужас как длина) —
Честь родного края.
Многих не было в ней нот,
Так что слушать гадко,
Все визжит, бренчит, скребет,
Не выходит гладко.
И не то, чтоб стар уж так
Инструмент потешный,
Сколотил его варяг,
Северяк не здешний,
Им потом пошла вертеть
Русометов стая,—
Что за музыка была!

Бестолочь родная!
Тут им как-то завладел
Молодец-татарин
И шарманкой завертел,
Как деревней барин!
С нею пробовал потом
И погляд возиться,
Но ни лаской, ни дубьем
Ладу не добился!
Все фальшивила она,
Шла вразлад со светом —
Инструмента ли вина,
Мастера ли в этом?
Леший сам не разберет!
Вскоре отыскался
Для шарманки доброхот
И чинить принялся.
Придал он ей новый вид
На матер немецкий.
А шарманка все скрипит
И пищит по-детски.
Вот шарманкой завладел
Наш шарманщик ярый,
Повернул, пересмотрел,—
Был он малый с жаром,
Он навел на крышку лак,

генсва, благословленных самим Белинским. В 1849 году Иван Аксаков делился с родными своими впечатлениями от таланта Григоровича, по-своему толкуя его своеобразие как бы вне «натуральной школы». «Встретил я на днях Григоровича, которого не узнал сначала, но который меня узнал и искренно обрадовался. Мне самому весело было на него смотреть. У него есть положительный талант и талант, чисто свалившийся с неба, не подготовленный ни умом, ни образованием, ни направлением, как это теперь часто бывает, так что не различишь, что талант, что ум... И потому-то и весело мне бывает слышать в ком-либо присутствие такого таланта, этого гостя независимого, бог знает откуда пришедшего... Он записал мой адрес и хотел у меня быть...»¹ Но отношения с Григоровичем не наладились: видимо, прежние отзывы о Григоровиче были слишком прохладными и в «Московских сборниках» и в «Москвитянине».

Починил она ружи,
А внутри осталось так,
Даже стало хуже.
Сам он видел, что она
Уж пришла в негодность.
Что в ней лопнула струна,
Певшая народность.
Что осыпала в ней давно
Песня православья,
Что исправить мудрено
Хрип самодержавья.
«Но в лочинке труд большой,
А на век мой станет,
Да и внутрь шарманки той
Ведь никто не взглянет»,—
Так шарманщик рассудил,—
Ловкий был детина,
И шарманку ту возвалил

Он на плечи сына,
Сын справляет день и ночь
Старую работу,
Хоть вертеть еще невмочь,
Да и нет охоты.
В том труде не быть пути,
Так и жди — порвется.
И уж как ты ни верти,
А чинить придется.
Благо есть теперь досуг,
Взяться бы за разум:
Хуже будет, если вдруг
Распадется разом—
Если ты под звук заснешь
Листивого напева,
Позабывши повернешь
Вместо вправо — влево.

¹ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», ч. I, т. 2, с. 112.

Почти через десять лет, в обстановке нового общественного подъема, Константин Аксаков в обозрении современной литературы пытался развить свою славяно-фильскую теорию относительно значительно выросшей в русской литературе крестьянской темы и внести свои коррективы в ее утвердившуюся и единственно верную трактовку Белинским, Герценом, Добролюбовым, Чернышевским. Он выискивал у писателей что-то «новое» для нужной ему идеализации мужика и поругивал их за родимые пятна «натуральной школы». «Прикосновение к крестьянину,— писал Аксаков,— и в лице его к земле русской подействовало освежительно на писателей с талантом,— и крестьянин, взятый сперва как *самый натуральный субъект*, невольно представился им, хотя далеко еще не вполне, с другой, высшей своей стороны. Эта честь прежде всего принадлежит Тургеневу, за ним Григоровичу (в его «Деревне» крестьянин выставлен еще в духе «натуральной школы»)¹. Крестьянин стал предметом повестей, романов и даже драм. Лестно Аксаков отзывался о Григоровиче: «Антон Горемыка», «Смедовская долина», «Рыбаки»— начало «народного» направления. «Это направление утешительно, хотя изображение крестьянина почти всегда поверхностно и постоянно является ниже подлинника»².

Но особенно много внимания славянофилы уделяли Тургеневу. В «Записках охотника» рассказы «многие истинно прекрасны»,— писал К. Аксаков,— в них «живая струя России, струя народная». Писатель приблизился к той «великой тайне жизни, которая лежит в русском народе». «Яков Пасынков», «Муму», «Постоялый двор»— решительный шаг вперед. Дай бог г. Тургеневу продолжать по этому пути». Это писатель, «не каменею-

¹ «Русская беседа», 1857, кн. 5, отд. «Обозрение», с. 17.

² Там же, с. 23.

щий в ошибочно избранной форме, но имеющий силы отделаться от ложного определения¹. Слова о «тайне» русского народа, об умении Тургенева «отделаться» от ложного направления имели прямую цель увести писателя в свое лоно.

Семья Аксаковых познакомилась с Тургеневым в 1849 году. Встречались в Москве, в Абрамцеве. С. Т. Аксаков посыпал ему на предварительный отзыв рукопись своих «Записок ружейного охотника». Они вызвали одобрение Тургенева. И наоборот, Аксаков высказывал свои критические суждения о «Рудине» и других произведениях писателя. Послал Тургенев С. Т. Аксакову и повесть «Постоялый двор». С. Т. Аксаков отметил правдивость повести: в ней изображена русская драма, потрясающая душу. Причина трагедии — крепостническая система, воспитавшая кротких Акимов. Но С. Т. Аксаков идеализировал и образ Наума в духе христианского всепрощения. Наум должен был простить Акима, хотевшего поджечь постоялый двор. Сам Тургенев был в целом доволен разбором «Постоялого двора» С. Т. Аксаковым. Когда же Тургенев, видимо, по цензурным соображениям, позднее несколько смягчил антикрепостническую направленность повести, то Аксаков выразил ему свое неудовольствие. Тургенев почти полностью восстановил прежний текст.

Сыновья относились к Тургеневу более сдержанно, чем отец. Правда, Константин и Иван похвалили идеализацию кротости в образе Акима в рассказе «Постоялый двор»: тут есть все, что возвышает русского человека над европейцем. Рассказ «Муму» порадовал славянофилов тем, что тут выведен образ смиренного мученика Герасима. Константин Аксаков придавал этому образу некоторую «многозначительность». Но Константин Аксаков критиковал поэму «Помешник», удостоившуюся по-

¹ «Русская беседа», 1857, кн. 5, отд. «Обозрение», с. 19, 20, 22.

хвал Белинского как «физиологический очерк» помещичьего быта. Даже «Записки охотника» первоначально не сблизили Константина Аксакова с автором: ему не нравился критический пафос этих очерков. Тем не менее, не покладая рук славянофилы хотели сделать Тургенева сотрудником своих изданий. 24 апреля/6 мая 1857 года Иван Аксаков писал родным из Парижа: «Тургенев едет на днях в Англию и начинает чувствовать симпатии к англичанам: это шаг вперед в его развитии. Как ему достается от приятелей за все его последние сочинения, начиная с «Рудина»¹. Он якобы изменяет прежним мнениям, взглядам и принципам.

В одном из писем к Тургеневу Константин Аксаков полнее высказался о том, чего они от него хотят. Но писатель решительно не согласился с программой умироворенного творчества. Он отвечал Константину Аксакову: «Трудно современному писателю, особенно русскому, быть покойным,— ни извне, ни изнутри ему не веет покоем... Но я знаю, что здесь именно та точка, на которой мы расходимся с вами в нашем воззрении на русскую жизнь и на русское искусство: я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму там, где вы находитте успокоение и прибежище эпоса...»² В последней фразе чувствуется отголосок полемики Белинского с Аксаковым по поводу «Мертвых душ» и Гоголя — Гомера... Тургенев смотрел на вещи глазами своего идейного учителя.

¹ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. 3, с. 324. Поясним два места в письме. После поездки Хомякова и его очерка об Англии славянофилы чувствовали себя уже монополистами в этой теме и следили за «превращениями» в англоманов других, даже инакомыслящих людей. Аксаков допускал еще мысль, что в «Рудине» есть карикатура на былые западнические увлечения кружка Белинского — Бакунина.

² И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. Письма, т. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, с. 72.

Константин Аксаков вообще настороженно относился к Тургеневу. Еще до знакомства, в 1847 году в «Однодворце Овсяникова» Тургенев высмеял его в образе помещика-славянофила Любозвонова... Когда в 1852 году, уже после личного знакомства, рассказ был перепечатан снова в отдельном издании «Записок охотника», это вызвало обиду у Константина Аксакова. Иван Аксаков пенял Тургеневу за это в письме.

Аксаковы всегда видели в Тургеневе классического «западника». Вера Аксакова постоянно неодобрительно отзывалась об их госте в Абрамцеве.

Одна из последних попыток славянофилов превратить нового писателя в «своего» была предпринята по отношению к только что возвратившемуся в 1856 году из ссылки М. Е. Салтыкову-Щедрину. Этому вопросу С. А. Макашин посвятил специальную главу в недавно вышедшей в свет второй части предпринятого им капитального труда по исследованию биографии и творчества великого сатирика¹.

В августе 1857 года Салтыков писал своему другу И. В. Павлову: «Признаюсь, я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления»². Писатель быстро познакомился со всеми главными деятелями славянофильства: Хомяковым, братьями Аксаковыми, Кошелевым, Самарином. В это время им создавались «Губернские очерки». Обличение «теней» чиновничества — излюбленная тема и славянофилов. На молодого писателя оказали влияние некоторые страницы «Семейной хроники» и «Детства Багрова-внука», разъясняющие внутренние стороны на-

¹ Подробно этот вопрос освещен также в статье Н. В. Яковлева «Щедрин в Аксаковы в пятидесятых годах». — Труды отдела новой русской литературы АН СССР. М.—Л., 1948, т. 1.

² «Литературное наследство», т. 67, с. 458.

родной жизни. Особенно это отразилось у него в главе «Богомольцы, странники и проезжие».

У Щедрина есть пародии на любителей игры в софизмы отвлеченно-идеалистической диалектики в очерках «Озорники», «Владимир Константинович Буеракин». В «Губернских очерках» Щедрин ставит солдата и страшницу выше какого-нибудь писаря или лакея, а простой народ выше купца Хребтюгина, выше дворян и чиновников. Все это перекликается с «Опытом синонимов» Константина Аксакова. В славянофильской «Молве» 1857 года появились щедринские очерки «Богомолки», «Еще богомолки и богомольцы». Константин Аксаков сочувственно отзывался о «Губернских очерках» в своей статье «Обозрение современной литературы» («Русская беседа», 1857, кн. 5) и «от души» желал успехов автору.

Но контакты имели у Щедрина лишь локальное значение. Щедрин не пошел по пути идеализации смирения и патриархальщины, как требовали славянофилы. Просто — это тематическая встреча, правдивый художник не мог пройти мимо народных типов. В каких-то пределах этого требовала простая художническая объективность. Кроме того, в ту пору сами славянофилы еще стояли за отмену крепостного права и либеральничали в печати. Нельзя не согласиться с главным выводом С. А. Макашина: «...о версии относительно славянофильства Щедрина не приходится, однако, много говорить, до такой степени мировоззрение и творчество писателя противостоят сути этого направления»¹. Слова Щедрина «гни в сторону славянофильства» означали только то, что писатель заинтересовался народным бытом, а в те годы славянофилы первенствовали в области изучения быта и фольклористической деятельности. Позже их пути решительно разошлись.

¹ С. А. Макашин. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860 годов. М., «Художественная литература», 1972, с. 151.

Взаимоотношения славянофилов с Достоевским были сложнее, чем с остальными деятелями русской литературы. Писатели, о которых шла речь выше, только в молодости так или иначе соприкасались со славянофилами. Достоевский же заинтересовал их позднее, уже как сложившийся писатель. Как «почвенник» он многим обязан славянофилам, но в то же время много и им дал, когда их движение выыхалось, приобретало открыто реакционный характер, а он был в зените своей славы¹.

Один образ славянофильствующего отступника от западничества Шатова в романе «Бесы» чего уже стоил, был высокой похвалой захиревшему движению. Славянофильствуют Мышкин, Версилов, Алеша и Зосима, сам Достоевский в письмах к Победоносцеву, в «Дневнике писателя».

А начинались отношения в 40-х годах с отрицательной оценки Достоевского славянофилами как одного из активных участников «натуральной школы», придавшего своим первыми произведениями ей огромную силу и авторитет. Иван Аксаков, еще только наслышанный о том, как был принят Достоевский в кругу «Отечественных записок», до выхода в свет «Бедных людей», с иронией писал родным 15 декабря 1845 года: «Сии последние (то есть «Отечественные записки». — В. К.) нашли новую звезду, какого-то Достоевского, которого ставят чуть ли не выше Гоголя, находя в Гоголе много славянофильского духа!»² Ирония по адресу Достоевского слышалась и в позднейших выступлениях Константина Аксакова и

¹ Соотношение взглядов «почвенника» Достоевского и славянофилов хорошо исследовано В. Я. Кирпотиным в монографии «Достоевский в шестидесятые годы». М., «Художественная литература», 1966, с. 73—108 и др. См. также: В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» 1861—1863. М., «Наука», 1972; и ее же: Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» 1864—1865. М., «Наука», 1975.

² «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», ч. 1, т. I, с. 313.

Самарина. Соответственно и со стороны Достоевского была неприязнь к славянофилам, например, в статье «Санкт-Петербургская летопись» (1847). А перед тем он сообщал брату 8 октября 1845 года о готовящемся выступлении Некрасова против славянофилов в альманахе «Зубоскал», который, однако, был целиком запрещен цензурой и света не увидел.

Но затем Достоевский-каторжанин надолго выбыл из поля зрения славянофилов. А еще позже славянофилы и их друзья снова начинали приглядываться к «почвеннику» Достоевскому. Когда Достоевский опубликовал объявление о своем журнале «Время», М. П. Погодин в письме к С. П. Шевыреву 20 октября 1860 года зафиксировал: «...программа последнего списана как будто с программы «Москвитянина»¹.

Их не могли не привлечь рассуждения Достоевского о смиренной мудрости народа, о народе-богоносце, которые сильно напоминали их собственные. Выводя резюме из им же самим преподанной притчи-морали в «Мужике Марее», Достоевский вопрошал: «Скажите, не это ли разумел Константин Аксаков, говоря про высокое образование народа нашего?»²

Отрицательное отношение к революции, разобщение «верхов» и «низов» в русском обществе, мечта об их

¹ ГПБ, ф. 850, № 445. Мы уже указывали, что «Остров» Ивана Киреевского мог как-то косвенно повлиять на сон о «золотом веке» Версилова в «Подростке» Достоевского (помимо указания Достоевского на вдохновляющее для него значение картины Клода Лоррена «Морской пейзаж с Атисом и Галатеей», увиденной в Дрезденской галерее). Мог повлиять «Остров» и на другое произведение Достоевского — «Сон смешного человека». «Остров», как известно, был впервые напечатан в «Русской беседе» 1858 года и затем в собр. соч. И. Киреевского 1861 года. См.: В. И. Кулешов. Славянофилы и романтизм.— В сб. «К истории русского романтизма». М., «Наука», 1973, с. 328.

² Ф. М. Достоевский. Полн. собр. худож. произв., т. XI. М.—Л., 1929, с. 191.

внеклассовом единении — все это общее у славянофилов и Достоевского. Но Достоевскому претила их «боярская», «аристократическая сытость», освящение крепостничества на основе «божеской законности», глухота к народным страданиям, их «маскарад» с переодеваниями в старинные платья. Достоевский был современным боевым искателем правды, ратовавшим за просвещение народа, за единение на почве ликвидации привилегий. У него была боль за обездоленных. Его полемический выпад против славянофилов наиболее ярко выразился в статье «Два лагеря теоретиков» («Время», 1862, № 1).

Интенсивные контакты с писателем установились только у Ивана Аксакова, пережившего всех своих соратников. Особенно он сблизился с Достоевским в дни известных пушкинских торжеств в Москве. Речь Достоевского о Пушкине потрясла Аксакова. Как писал сам Достоевский жене: «Аксаков <Иван> вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя есть *не просто речь, а историческое событие!*¹»¹ (Заметим, что в таких же словах Хомяков отзывался о картине Иванова «Явление Христа народу».) Историческое значение речи Достоевского Аксаков усматривал в проповедуемом писателем духе примирения, христианского «братьства» и «равенства». Он благодарил Достоевского за дополнительные разъяснения смысла речи в «Дневнике писателя», так как она произвела действие электрического разряда, «прожегши души немногим», и не каждый усвоил со слуха ее глубокий смысл. Конечно, и тут происходило явное «присвоение» сложного и противоречивого Достоевского. Но много было и правды, когда Аксаков пояснял в письмах к Достоевскому то, что, собственно, родит их: «Мы с вами под знаменем Христа». Доброжелательные отзывы Аксакова о «Речи» были высоко оценены

¹ Ф. М. Достоевский. Письма, т. IV. М., Гослитиздат, 1959, с. 171.

Достоевским, ждавшим откликов: «Никогда еще в моей жизни я не встречал критика столь искреннего и столь полного участием к моей деятельности, как теперь вы. Я даже забыл и думать, что есть и что могут быть такие критики»¹.

Это, конечно, голос писателя, утомленного журнальными нападками, непониманием критиков. Но дело не только в приветливости тона аксаковских похвал. Несомненно, Достоевского привлекало идеальное созвучие со славянофилами. Он не мог не сознавать, что на самом деле его проповедь «смирись, гордый человек» афористически выражала как его собственное заветное убеждение, так и «подытоживала» давние чаяния славянофилов. Начинавшаяся же эпоха 80-х годов способствовала такому открытому альянсу «почвенничества» и старого славянофильства.

Иван Аксаков, как бы получив соответствующую санкцию, тем более имел право «присвоить» Достоевского после его кончины. Ни одного либерала, проповедника «западных» идей и учреждений, так не хоронили, как Достоевского. А этот писатель был к тому же ярым противником самих этих идей и учреждений. В специальной заметке «По поводу смерти Достоевского» («Русь», 1881), по горячим следам грандиозных и торжественных похорон, Иван Аксаков пытался превратить Достоевского в некий символ эпохи и народности: «Политические убеждения русского народа были его убеждениями». Достоевский не позитивист, не материалист, а если и социалист, то в духе Евангелия; «русский народ спасется всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм». Вот как осовременивал Аксаков Достоевского и славянофильство, допуская это деликатное «а если»... Много родственного себе видел Аксаков в одном из коренных тезисов Достоевского:

¹ Ф. М. Достоевский. Письма, т. IV, с. 198.

долготерпение и смирение русского народа — это путь к очищению и в царство божие.

Мы уже убеждались, что всякий раз, когда славянофилы подходили к границам сопредельных, в целом враждебных им идеологических систем или акций, они старательно предупреждали: не спутайте наш либерализм с тем, что провозглашал Белинский, наше «свободное слово» ничего общего не имеет с западническим вольномыслием и с их пропагандой. Мы тоже изображаем действительность, но не извлекаем на свет божий всю «тину мелочей», как это делает «натуральная школа».

Так поступал Иван Аксаков и здесь: тот, кто вообразит Достоевского «только наставником гуманности, *зато* с другими нашими писателями отрицательного направления, тот или поступает недобросовестно или ничего не смыслит»¹. Достоевский сочувствовал не представителям таких-то и таких-то классов и сословий, страждущих от «внешнего» неравноправия и своего социального положения, он изображал всечеловеков, его интересовало высшее братство, братство во Христе. Следует признать, что Аксаков подошел к важной теме, которая обсуждается и сейчас мировой общественностью: певцом чего больше был Достоевский — людей своего века или всечеловеков? Но Аксаков, как это делают и сейчас многие ученые на Западе, разрывает социальные и психологические проблемы творчества Достоевского (так в свое время Константин Аксаков своим тезисом, что Гоголь — это Гомер, хотел оторвать туманистический пафос писателя от социальных проблем его творчества). Да, Достоевского интересовала «душа человеческая с ее святая святых» и «сатанинскими глубинами», но и это делалось с подлинной болью о человеке, в традициях русского критического реализма, а не только «при согревающем свете любви Христовой». И в Достоевском

¹ И. С. Аксаков. Соч., т. II. М., 1886, с. 489.

была «сила отрицания». Эта сила гарантировала его бессмертие в будущем, когда скороспелые кумиры, либеральствующие «учителя отрицания», забудутся. Но Иван Аксаков предрекал забвение всем отрицателям, а не только поверхностно-либерального толка, с которыми у Достоевского действительно ничего общего не было. По давней славянофильской привычке Иван Аксаков сознательно смешивал одно отрицание с другим, любую, самую эфемерную его форму выдавая за сущность того отрицания, которым была преисполнена вся честная русская литература. Абстрактное «всесветное единение во имя Христа» Аксаков называет «политическим убеждением» русского народа и «политическим убеждением» Достоевского. А то, в чем действительно скрыта подлинная политика, определяющая существо явлений, настроений и убеждений классов и сословий, социальное бытие людей,— это он объявлял «внешней» неравноправностью, окрашенной «тенденциозностью» условий политической или социальной доктрины». Перед нами все та же софистика, которую мы встречали у славянофилов на каждом шагу в решении любого вопроса.

Независимо от того, как понимали свои личные отношения Аксаков и Достоевский, общий пафос писателя-гуманиста, защитника униженных и оскорбленных, величайшего из русских и мировых реалистов в корне противоречил славянофильской доктрине и его собственным, то есть самого Достоевского, «почвенническим» заблуждениям.